

Ангел Богданович

**«Спирька» г. Елпатьевского.
– Народническая схема
капитализма**



Ангел Иванович Богданович
«Спирька» г. Елпатьевского. –
Народническая
схема капитализма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5672199

Аннотация

«Въ беллетристикѣ послѣдняго времени видное мѣсто должно быть отведено разсказу г. Елпатьевского «Спирька», который явно напомнилъ намъ беллетристику прежняго времени, когда «Чумазый» во всѣхъ видахъ и положеніяхъ не сходилъ со страницъ толстыхъ журналовъ, наводя на читателей великое уныніе...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

А. И. Богдановичъ «Спирька» г. Елпатьевскаго. – Народническая схема капитализма

Въ беллетристикѣ послѣдняго времени видное мѣсто должно быть отведено разсказу г. Елпатьевскаго «Спирька», который явно напомнилъ намъ беллетристику прежняго времени, когда «Чумазый» во всѣхъ видахъ и положеніяхъ не сходилъ со страницъ толстыхъ журналовъ, наводя на читателей великое уныніе. Тогда онъ изображался, какъ угрожающій фантомъ, который можетъ превратиться въ жестокую дѣйствительность, если своевременно не будутъ приняты мѣры къ его обузданію и къ укрѣпленію добродѣтели въ деревнѣ, разлагающейся подъ вліяніемъ «Чумазаго». Г. Елпатьевскій, взявъ старый мотивъ, попробовалъ его развить на болѣе современный ладъ и представить какъ генезисъ «Чумазаго», какъ его развитіе въ настоящемъ. Такая попытка, безспорно, интересна и заслуживаетъ вниманія, хотя бы она была не удачна и не приводила къ цѣли. Въ современной народнической беллетристикѣ такое стремленіе подойти къ текущей жизни представляетъ нѣчто новое и очень

желательное.

Къ сожалѣнію, съ первыхъ же страницъ разсказа, написаннаго вообще очень живо и прекраснымъ языкомъ, такъ и вѣтъ на читателя добрымъ старымъ временемъ, когда «еще намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія», и только-что явившіеся въ литературѣ образы Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ производили подавляющій эффектъ въ геніальныхъ очеркахъ Щедрина и Гл. Успенскаго, посвятившихъ имъ столько вниманія. Разные діі minores съ тѣхъ поръ сумѣли въ достаточной степени ихъ опозлить, не придавъ имъ ни одной новой живой черты, не подмѣтивъ въ нихъ современнаго отпечатка. По этой проторенной безчисленными предшественниками дорожкѣ идетъ и «Спирька» г. Елпатьевскаго.

Спирька, конечно, кровопивецъ, а отецъ его разбойникъ и всѣ его присные воры, тати и душегубы. «Первая деревня по тракту называлась татинцы, страшная деревня,— въ темномъ лѣсу, къ дорогѣ спиной обернулась, а окнами въ лѣсъ глядѣла, — про которую изстари шла дурная слава. Изъ этихъ Татинцевъ, этого темнаго разбойнаго мѣста и Спирька вышель». Яблочко отъ яблони недалеко откатится, и Спирька съ дѣтства уже проявляетъ разбойническія наклонности, въ родѣ какъ герои народныхъ рыцарскихъ романовъ: хватить за руку — рука прочь, хватить за голову — голова прочь. «Не сильный онъ былъ, а ловкій и все штуки разныя устраивалъ, за которыя мы и не любили его. То гирыку чугунную въ ку-

лакъ зажметъ, то въ бокъ, либо подъ ребро ударить, когда положеніе было бить только по скулъ, а бороться станеть – все норовить подъ ножку, чему положенія тоже не было. И въ орлянку перестали его принимать, послѣ того какъ съ двухорловымъ пятакомъ разъ накрыли его». Таковъ ужъ Спирька въ юности, и по этимъ признакамъ напередъ можно бы предсказать, что не миновать ему острога. Но вмѣсто того изъ Спирьки вышелъ представитель русскаго капитализма. Такое происхожденіе послѣдняго само по себѣ знаменательно и чревато будущимъ.

Спирька не просто дошлый парень, плуть и мошенникъ. Какъ увидимъ дальше, онъ представитель капитала, и его исторія есть лишь иносказаніе, «откуда есть пошла» та язва, капитализмомъ называемая, которая разрушила «кринъ сельный», какимъ цвѣла русская земля до пришествія Спирьки изъ Татинцевъ. Кстати, маленькое географическое поясненіе. Въ Нижегородской губерніи, не доѣзжая села Юрина на Волгѣ, есть два села – Татинецъ и Слапинецъ, жители которыхъ во времена досюльняы занимались грабежомъ и молодечествовали на Волгѣ, грабя купцовъ, откуда и поговорка о нихъ сложена: «Татинецъ и Слапинецъ – всѣмъ ворами гостинецъ» (т. е. гостиница для воровъ). Въ качествѣ бытописателя, авторъ даже мѣстный элементъ вполне соблюлъ.

Бывшій разбойникъ превращается постепенно въ кулака, изъ кулака въ мелкаго торгаша, приемы котораго на первое

время мало чѣмъ отличаются отъ разбойничьихъ. Спирька сталъ скупать хлѣбъ у мужиковъ, везущихъ его на базаръ. Въ очень живой, списанной, повидимому, съ натуры, картинкѣ описываются его ранніе подвиги, по которымъ мы уже можемъ судить о его будущихъ дѣяніяхъ.

«Какъ выѣдутъ мужики на гору и остановятся дать лошадямъ вздохнуть, такъ и налетитъ на нихъ стая. Лошадей подъ уздцы схватятъ и начнется тутъ торгъ, и уже мужику не отбиться, не дадутъ ему въ городъ проѣхать, по вольной цѣнѣ продать. Изругаютъ его ругательски, затолкаютъ, задергаютъ, и сдѣлается мужикъ, какъ шальной, и везетъ по цѣнѣ, которую дадутъ ему на горѣ. А Спирька впереди всѣхъ. Голосъ у него былъ звонкій, никто не могъ перекричать его, а мужика прямо за горло хватальъ.

– Да ты чего, дура полоротая? Тебѣ цѣну даютъ, а ты рыло воротишь? Въ городу два цѣлковыхъ на колѣняхъ напросишься, а я тебѣ, идолу два съ гривной даю. Да что мнѣ съ тобой, дуракомъ разговаривать что-ли? ну, ну, – рѣшаетъ Спирька, – поворачивай!

Мужикъ поворачиваетъ и покорно ѣдетъ за Спирькой на его широкій дворъ... И тамъ мужикъ, какъ шальной, словно въ туманѣ смотритъ, какъ Спирька ссыпаетъ его хлѣбъ, и то и дѣло дивится, да руками разводитъ – какъ аккуратно дома мѣряль, а у Спирьки двухъ мѣрь не хватаетъ. На вѣсахъ прикинетъ, – все недочватка».

Таковъ героическій періодъ Спирькиной дѣятельности,

когда онъ и боками, и зубами отвѣчалъ за свои подвиги, то совершая обманы, то торгуя гнилымъ судакомъ, то участвуя въ бояхъ, тѣшась молодецкой потѣхой. Мало-ли, много-ли времени прошло, – изъ Спирьки вырабатывается, наконецъ, настоящій капиталистъ, во вкусъ и образъ народническихъ представлений о капиталѣ. Жену убилъ, опоивъ въ своемъ трактирѣ, женился на богатой разорившейся фабрикантшѣ, сталъ коммерсантомъ, гласнымъ думы и представителемъ сословія. Въ думѣ у него своя партія, онъ говоритъ рѣчи, взываетъ къ отечеству, стоитъ за протекціонизмъ, словомъ, капиталистъ созрѣлъ. «И не узнать теперь Спирьку въ солидномъ и важномъ коммерсантѣ и кавалерѣ, въ самоувѣренномъ и рѣшительномъ петербургскомъ дѣльцѣ. Только въ одномъ не измѣнился, – у него осталась та же разбойничья душа, тѣ же разбойныя мысли, та же душегубская ухватка. Онъ не подстерегаетъ въ темномъ лѣсу съ топоромъ въ осеннія ночи, не хватается за горло мужиковъ на горѣ, – онъ понялъ, что такое отечество, и орудуетъ на большой дорогѣ отечества. Это отечество представлялось ему въ видѣ окруженнаго высокимъ, убитымъ гвоздями, заборомъ своего загорскаго постоялаго двора, оберегаемаго и запираемаго на замокъ, ключъ отъ котораго у него, Спирьки, въ карманѣ... А проѣзжающій будто бы медленно ползетъ по глинистой горѣ и не миновать ему Спирькина двора. Поэтому, если вздумаютъ раскрыть Спирькинъ заборъ или объѣхать мимо его двора, онъ начинаетъ орать – Спирька обнаглѣлъ и оретъ еще гром-

че — „отечество въ опасности!“ Спирька попробоваль зубомъ отечество и уже не оторвется отъ него... И власти захотѣль... Его уже не удовлетворяетъ стоящая на вытяжку фигура стараго квартальнаго, и ему уже мало назначать и смѣнить въ городѣ торговыхъ депутатовъ и смотрителей за вывозными парками»...

Какъ видимъ, «Спирька» выдержанъ весь въ одномъ тонѣ, сначала и до конца — передъ нами разбойникъ, наглець и насильникъ, только и понимающій грубую силу, только съ нею считающійся. Сравнивая своего героя съ его предшественникомъ — старозавѣтнымъ купцомъ, который хотя тоже «охулки на руку не клаль», все же Бога боялся и подчасъ проявляль искру Божью, — авторъ отдаетъ ему предпочтеніе передъ Спирькой. Этотъ ничего и никого не боится. Изрѣдка онъ вспоминаетъ про Столпника, увѣщавшаго татинцевъ, и при этомъ онъ думаетъ объ интеллигенціи, ратующей не за свои интересы и борющейся съ нимъ на общественной аренѣ и въ печати. Но эти мысли возбуждаютъ въ немъ только сугубую ненависть къ непонятной ему силѣ и желаніе согнуть ее въ бараній рогъ.

Словомъ, отъ колыбельки до могилы Спирька однообразенъ. Эта его несложность, упрощенность и представляетъ въ нашихъ глазахъ слабѣйшую сторону разсказа, въ которомъ охвачено слишкомъ сложное и большое явленіе и уложено въ слишкомъ простыя несложныя рамки.

Читая эту исторію возникновенія и роста русскаго капи-

тала, испытываешь неловкость, какъ при игрѣ актера, взявшаго невѣрный тонъ, отъ котораго онъ не можетъ отдѣлаться во время всего спектакля. Такой же невѣрный тонъ былъ взятъ народниками съ самаго начала при ихъ столкновении съ капитализмомъ. Въмѣсто его изученія, они сразу рѣшили, что это нѣкое чужеродное, выросшее на здоровомъ древѣ русской жизни, или, какъ его въ данномъ случаѣ представляетъ г. Елпатьевскій,— тать и разбойникъ, ставшій на дорогѣ нормальнаго развитія народной жизни и мѣшающій и тормозящій это развитіе. Тутъ ужъ спорить и доказывать ничего не приходится,— остается только удивляться, какъ до сихъ поръ народники не могутъ отдѣлаться отъ подобныхъ представлений, которыя въ существѣ ничего не разъясняютъ и только мѣшаютъ видѣть вещи такими, каковы онѣ есть. Поистинѣ, народники уподобились тому столпнику, о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ разсказа г. Елпатьевского.

«Легенда была про нашъ Загорскъ. Старая соборная просвирия часто мнѣ, бывало, разсказывала. Въ давнія-давнія времена, когда народу русскаго было еще совсѣмъ мало и кругомъ шли лѣса да болота, на нашей горѣ поселился святой человѣкъ,— столпъ себѣ выстроилъ и никуда изъ столпа не выходилъ, все Богу молился. А тракть и тогда былъ, изъ низовыхъ мѣстъ все мимо насъ ѣхали. Страннѣйшій человѣкъ проѣдетъ, поговорить со столпникомъ, благословенія на дальнѣйшій путь спросить, что изъ запасовъ оставить; кое-гдѣ людишки по лѣсамъ жили, прослышали про столпника, ѣду

носить стали. А въ чортовомъ болотѣ разбойники жили... по ночамъ на добычу выѣзжали на трактъ, купцовъ поджигали, проѣзжающихъ людей,— пожитки отнимуть, а кто волей не отдасть, зарѣжутъ. Вотъ, бывало, раннимъ утречкомъ и ѣдетъ ватага въ свое воровское гнѣздо, добро везетъ, полонъ ведетъ, а столпникъ въ столпѣ стоитъ и Бога славить. Не трогали его разбойники... Въ ину пору измываться станеть атаманъ... Разгнѣвается тутъ угодникъ божій, укорныя слова почнетъ говорить, бѣсомъ-мучителемъ, судомъ страшнымъ, адомъ кромѣшнымъ стращать примется. А атаманъ все смѣется. — Погоди, скажеть, дѣдушка, дай намъ молодцамъ по бѣлу свѣту полетать, съ бабами-дѣвками поиграть... Натѣшится, утихнетъ сердце молодецкое, ту пору къ тебѣ придемъ. — И точно... слѣзь атаманъ съ коня, спѣшилась ватага его и пали столпнику въ ноги. Съ той поры и монастырь почался... Такъ мнѣ просвирня соборная рассказывала»...

Народники, уединившись если не на столпъ, то въ ни на чемъ не основанную теорію о самобытности русской жизни,— также пугаютъ читателя рассказами про подлеца-капитала, страшаютъ послѣдняго «судомъ страшнымъ, адомъ кромѣшнымъ», въ затаенной надеждѣ, что разбойникъ-капиталь одумается, падеть въ ноги и удалится въ монастырь грѣхи свои замаливать. Если же не капиталъ, то одумается читатель и, убѣдившись въ грѣховныхъ подвигахъ капитала, исполнится къ капитализму сугубой ненавистью и вернется въ лоно народничества.

Они никакъ не желаютъ замѣтить, что прошло уже время, когда легенды соборной просвирни производили впечатлѣніе, а сама просвирня считалась вполне компетентнымъ источникомъ для изученія народной жизни. Разсказъ г. Елпатьевскаго, — не станемъ отрицать, — не лишень литературныхъ достоинствъ, хотя фигура «Спирьки» и отдаетъ сочинительствомъ, мало жизненна и вырѣзана по народническому трафарету, а разсужденія автора напоминаютъ передовицы и внутреннія обзорѣнія народническихъ журналовъ и газетъ стараго времени. Но представленная имъ въ лицахъ исторія русскаго капитализма въ корнѣ невѣрна и даетъ совершенно ложное освѣщеніе вопросу о происхожденіи капитализма у насъ. Меньше всего можно искать «корня и нити» его въ Татицахъ и Слапницахъ, все процвѣтаніе которыхъ зиждилось въ основахъ натурального хозяйства, когда разбойничьи приемы мѣновой торговли, и до сихъ поръ процвѣтающіе въ иныхъ глухихъ уголкахъ Россіи, были единственными, примѣнявшимися въ торговлѣ и производствѣ. Эти приемы теряютъ весь свой {raison d'être} съ момента возникновенія крупной промышленности, основанной на совершенно иныхъ началахъ, сущность которыхъ — научное знаніе, дальновидный расчетъ и крупные рынки. Татинцы и Слапинцы, съ ихъ героическими Спирьками, были убиты съ того момента, когда Россія была вовлечена въ міровой потокъ капиталистическаго производства и въ ней возникла крупная индустрія, о чемъ наглядно свидѣлствуютъ на той же Волгѣ

такіе нѣкогда промышленные центры, какъ, напр., знаменитое с. Лысково, гдѣ сотни вѣтряныхъ мельницъ или пошли на сломъ, или грустно стоятъ, не помахиная крыльями, потому что ихъ убили паровыя крупчатки, перемалывающія милліоны пудовъ.

Ничего этого знать не хотятъ гг. народники, для которыхъ капитализмъ – все тотъ же чумазый, какимъ его изобразилъ Щедринъ, мѣтко схватившій отличительныя черты современнаго ему деревенскаго кулака, народившагося на разлагавшейся почвѣ пореформеннаго помѣщичьяго хозяйства. Со времени щедринской сатиры Россія успѣла покрыться новой огромной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, развила цѣлыя новыя отрасли производства, возникшія среди нѣкогда голыхъ степей, и полнымъ ходомъ двинулась по пути капиталистическаго развитія, – кажется, этого достаточно, чтобы увидѣть въ капитализмѣ болѣе сложное явленіе, чѣмъ примитивная фигура Чумазаго съ его примитивными приѣмами и аппетитами.

Уже напередъ можно предположить, что художникъ, пожелавшій представить въ образахъ эту выдающуюся нынѣ и главенствующую сторону общественной жизни, найдетъ массу самыхъ разнообразныхъ типовъ, со всевозможными оттѣнками, которыхъ не уложишь въ одну общую схему. Подъ перомъ г. Елпатьевскаго фигура «Спирьки» выросла до гомерическихъ размѣровъ, которыми «Спирька» по справедливости могъ бы гордиться, но, къ сожалѣнію, эти раз-

мѣры заслонили для автора жизнь и вмѣсто живого образа предъ нами мертвая и односторонняя схема. Мы вообще противъ такого схематическаго художества, въ особенности, когда его объектомъ служить явленіе, далеко еще не сложившееся, пребывающее «на ходу» и крайне измѣнчивое поэтому. А русскій капитализмъ, – при всѣхъ своихъ успѣхахъ, – еще не опредѣлился настолько, чтобы дать такія цѣльныя и оконченныя фигуры, какъ западноевропейскій буржуа. Онъ перешагнулъ за стадію Чумазаго, но еще не отлился въ болѣе опредѣленную форму, которую бы могъ схватить и изобразить вдумчивый художникъ...

Мартъ 1898 г.

Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство «Міръ Божій», Спб., 1908